

Глава 46: Алые рукава добавляют аромат*

[*红袖添香 (hóng xiù tiān xiāng) дословно переводится как «алые рукава добавляют аромат (благовония)». Это классическая идиома, описывающая идеализированный быт образованного человека в древнем Китае. Она означает чтение или занятия науками в ночное время в сопровождении красивой девушки.]

—

IV.

Гу Сьюань взял со стола кувшин, наполнил две чаши и протянул одну Се Чаньюэ:

— Вино супружеского согласия.

Чаньюэ принял чашу, украдкой бросив взгляд на спокойное и холодное лицо мужа. Про себя он недовольно хмыкнул: «Все кругом твердят, как он мной дорожит, а в первую брачную ночь у него всё то же ледяное выражение лица».

Гу Сьюань поднял взор, встретившись с его осторожным взглядом, и внезапно протянул руку, жестом приглашая переплести их предплечья.

Это было необходимое условие свадебного обряда. Раз он взял Се Чаньюэ в супруги, то должен был со всей серьезностью подойти к обязанностям новобрачного.

Тонкие руки переплелись; нежная белая кожа запястья Чаньюэ коснулась руки Гу Сьюаня, и в месте соприкосновения мгновенно вспыхнул обжигающий жар.

Се Чаньюэ вспомнил ощущение тех же сильных рук, когда муж нес его на спине, уверенно поддерживая под бедра, — сердце его сладко дрогнуло, и с губ сорвался невольный вздох:

— М-м...

Услышав это, Гу Сьюань опустил взгляд на него. В следующий миг рука, висевшая вдоль туловища, резко взметнулась вверх, собственнически обхватив тонкую талию гера. Одним усилием он притянул Чаньюэ к себе, заставив того наступить ступнями на свои сапоги.

Се Чаньюэ в спешке схватился за рукава мужа, чтобы удержать равновесие.

«...»

Неужели его муж настолько нетерпелив?

В этот момент у самого уха пронеслось горячее дыхание и раздался низкий мужской голос:

— Так ты стоишь повыше. Теперь рука не затекает, дотягиваешься?

Гу Сьюань решил, что тот вздох сорвался из-за неудобства — мол, маленькому геру тяжело тянуться к высокому мужу.

Се Чаньюэ: —

Муж действительно... очень заботлив.

Хм, теперь он готов был поверить: этот мужчина, похожий на вековой холодный камень, возможно, и впрямь в него влюблен.

Кадык Гу Сыюаня слегка дернулся, и он осушил чашу одним глотком. В этот миг они стояли так близко, что их дыхание слилось воедино. Чаньюэ, не желая уступать, вскинул голову и выпил всё до капли, но в следующее мгновение сморщился от крепости напитка и слегка высунул кончик языка.

Гу Сыюань тут же отпустил его и повернулся к столу, чтобы налить чаю. В одно мгновение тепло от прикосновений к ногам, талии и рукам исчезло. Чаньюэ надул губы, немного пожалев о своем неуместном упрямстве.

Не успели они обменяться и парой слов после вина, как в дверь громко постучали: «Тук-тук!»

Родня семьи Гу, прослышав, что сегодня в доме Се Гу Ян проявил недюжинную стойкость к хмельному, уложив под стол половину гостей, теперь жаждала напоить его здесь. Сопровождать гостей и пить с ними — долг жениха, и Гу Сыюань не мог отказать.

Се Чаньюэ потянул его за рукав и прошептал:

— Пей поменьше.

Гу Сыюань кивнул в знак согласия. Подумав, он положил руку на плечо супруга, наклонился и запечатлел на его лбу мягкий поцелуй.

— Не волнуйся, — нежно произнес он.

В своей «прошлой» жизни он видел немало примеров супружеских отношений, так что в теории всё было под контролем.

— ... — шея Се Чаньюэ мгновенно стала пунцовой.

Откуда... откуда такая нежность? Характер его мужа совершенно не соответствовал его суровой внешности.

Прошло немало времени после его ухода. Чаньюэ всё еще сидел на кровати, обхватив руками раскрасневшиеся щеки и пребывая в прострации. Вскоре в дверь снова постучали, и раздался звонкий девичий голос.

— Невестка...

Вошла Гу Цинцин с подносом еды и весело сказала:

— Невестка, второй брат велел принести это тебе.

Се Чаньюэ поспешил принять поднос и тихо поблагодарил:

— Спасибо за труды.

Цинцин покачала головой, глядя на него сияющими глазами:

— Невестка, ты такой красивый! Неудивительно, что второй брат так сильно тебя любит.

— ... — лицо Чаньюэ вспыхнуло еще ярче.

Все только об этом и говорят. Кхм-кхм, судя по недавним ласкам, он и сам начал подозревать, что муж в нем души не чаает.

С тех пор как он прибыл в деревню Хуанъян, аппетит у Чаньюэ был плохой. Но сейчас, при мысли о том, что муж даже во время банкета помнит о нем и прислал сестру с едой, он почувствовал небывалый голод. Глядя на огромную чашку риса, поверх которой горой были навалены разные куски мяса и овощи, он решил, что сможет съесть всё до последней крошки.

Примерно через час после ужина шум во дворе окончательно затих. У двери снова послышались шаги — это вернулся Гу Сьюань, неся в руках деревянный таз.

— Вот, умойся и вытри руки, — сказал он.

Се Чаньюэ замер, а затем бросился навстречу. В графском доме, хоть и было полно служанок, мать часто сама подносила воду отцу, чтобы выказать преданность; в деревне Лю Чжи так же прислуживала Се Эру. Но чтобы мужчина сам делал подобное для супруга...

Чаньюэ потянулся к тазу:

— Му... муж, я сам.

Гу Сьюань, услышав это обращение впервые, поначалу даже не сообразил, что зовут его. Поняв же, он решительно уклонился от рук Чаньюэ. Тяжелый таз с гулким «бух» опустился на подставку.

Он посмотрел на бледного, хрупкого кроху рядом с собой и сухо заметил:

— Не нужно. У меня сил много.

Глядя на этого по-прежнему сурового мужчину, Се Чаньюэ внезапно подумал, что, может быть, люди правы — и ему действительно несказанно повезло в этой жизни.

Тонкими пальцами он выжал полотенце и осторожно вытер лицо и шею. Перед выходом из дома Се на закате он уже успел помыться, так что сейчас достаточно было лишь освежиться. Гу Сьюань же привел себя в порядок еще до того, как войти в комнату, поэтому от него совсем не пахло вином.

Когда умывание было закончено, Гу Сьюань вынес таз и вылил воду на грядки в углу двора. Вернувшись, он задвинул засов и крепко запер дверь.

Слушая этот звук, Се Чаньюэ вцепился пальцами в ярко-красное одеяло, невольно поддаваясь нарастающему напряжению. Гу Сьюань же, казалось, совершенно не замечал атмосферы. Его длинные ноги за пару шагов преодолели расстояние до кровати. Развязывая пояс свадебного халата, он буднично произнес:

— Пора начинать брачную ночь. Завтра нужно рано встать, чтобы подать чай старшим. Закончим пораньше — и сможешь подольше отдохнуть.

— ... — Се Чаньюэ.

Неужели у других мужей всё так же? Разве ученые люди не говорят: «Не говори того, что не соответствует приличиям»?

Хм... наверное, это потому, что муж слишком прямолинеен и слишком сильно его любит!

Свеча погасла. Сквозь тусклый лунный свет слои красной одежды один за другим опали на пол. Се Чаньюэ, слегка дрожа, был мягко повален на алое одеяло.

Гу Сьюань поначалу думал, что близость без глубокой эмоциональной привязанности будет сопровождаться чувством неловкости. Но стоило его руке коснуться кожи, белой и гладкой, словно холодный нефрит, как в сердце хлынула волна необъяснимого узнавания. Дальше он действовал почти не раздумывая: одним мощным движением он крепко заключил прохладное гладкое тело в свои объятия.

Прочный кирпичный кан, как бы неистово ни двигались на нем люди, не издавал ни единого звука. В комнате слышались лишь прерывистые, невольные стоны Се Чаньюэ, которые он не в силах был сдержать.

Тело, подобное нефриту и снегу, утопало в мягком красном хлопке, словно бумажный кораблик в пучине бушующего океана под ударами шторма. При каждом прикосновении Гу Сьюаня гер содрогался в мелкой дрожи, даже его изящные белые ступни напряженно выгибались. И эта запредельная чувствительность заставляла мужчину терять голову, не давая остановиться.

Бог весть сколько времени спустя, после последнего глубокого вздоха удовлетворения, в комнате наконец воцарилась тишина. Перед тем как провалиться в глубокий сон, у Се Чаньюэ была лишь одна мысль: «Он же говорил — закончим пораньше, чтобы я отдохнул... Но мне показалось, что на улице уже пропели первые петухи».

Му Ся, очевидно, предвидел нечто подобное, зная, что молодые в пылу страсти не знают меры. Поэтому наутро он заранее подошел к двери комнаты Гу Сьюаня и постучал, напоминая, что нельзя пропустить час подачи чая.

Гу Сьюань, всегда отличавшийся чутким сном, мгновенно открыл глаза и, приподняв голову, отозвался.

Конец пятого месяца — время теплое. Новое ватное одеяло было убрано в шкаф, они укрывались лишь тонким покрывалом. Стоило Гу Сьюаню опустить взгляд, как он увидел маленькую головку, уютно уткнувшуюся ему в грудь. Алые губы были слегка приоткрыты, супруг сладко спал.

Черные мягкие волосы, влажные и спутанные, разметались по его плечам, спине и ключицам, а пара прядей при каждом вдохе едва не попадала в рот. Он протянул руку и аккуратно отвел волосы назад, желая облегчить его сон. Это движение полностью обнажило спину Се Чаньюэ: на нежной белой коже россыпью выделялись багрово-красные следы, отчего гер выглядел одновременно жалко и невероятно трогательно.

Гу Сьюань слегка нахмурился, коснувшись пальцами меток и вспоминая вчерашнее безумие. Он и сам не знал, что в нем скрывается такая жажда.

Человек в его объятиях, казалось, встревожился от этого движения; он потерся лицом о его грудь и тихо пробормотал:

— Хватит... спать хочу...

На суровом лице Гу Сьюаня промелькнула редкая тень смущения. Он осторожно высвободился, встал с кровати и начал одеваться. Закончив, он взял таз и направился в кухню,

где сразу увидел маленького отца, наливающего горячую воду.

Му Ся, заметив его, тут же жестом велел подставить таз. Гу Сьюань кивнул в знак благодарности.

— Как прошла ночь? — спросил Му Ся. — Чаньюэ, небось, сильно устал? Еще не проснулся?

Гу Сьюань не нашелся что ответить. Му Ся усмехнулся и больше не расспрашивал.

Вернувшись в комнату с теплой водой, Гу Сьюань лишь тогда осторожно разбудил того, кто всё еще оставался в постели.

Се Чаньюэ, точно мягкотелый моллюск, прильнул к его груди, что-то сонно ворча и совершенно не в силах открыть глаза.

Гу Сьюань помогал ему одеваться: скажет поднять руку — тот послушно поднимает, скажет наклонить голову — наклоняет; вел он себя на редкость кротко.

Лишь когда к лицу приложили полотенце, смоченное в теплой воде, Чаньюэ немного пришел в себя. Он открыл глаза, посмотрел на этого мужчину с суровым выражением лица и острым взглядом, и вдруг осознал, что только что творил. Как новоиспеченный супруг, он не только не помог мужу умыться и одеться, но и позволил мужу прислуживать себе...

Увидев, что тот окончательно проснулся, Гу Сьюань сухо сказал:

— Надевай обувь, пора идти подавать чай.

— Ох... — Чаньюэ поспешно выпрямился, нащупывая ногами туфли.

Когда оба были готовы, за мгновение до того, как переступить порог, Чаньюэ вдруг занервничал:

— Муж...

Гу Сьюань прищурился, наклонился и запечатлел поцелуй на его лбу, после чего крепко сжал его ладонь в своей:

— Всё хорошо.

Сказав это, он размашистым шагом повел его за собой.

— ... — Се Чаньюэ.

Вообще-то он имел в виду совсем другое, но когда муж держит за руку, волнение и впрямь улеглось.

Когда они вдвоем вошли в главный зал дома Гу, там уже было полно народу, включая семью третьего дяди, которая специально вернулась из города на свадьбу. Жена третьего дяди, чья семья занималась торговлей в уезде, была женщиной бойкой на язык и первой принялась подшучивать:

— Ох, как нежно воркуют наши голубки! Даже такой короткий путь — и тот за ручки!

Остальные, расплывшись в улыбках, дружно подхватили шутку. Гу Сьюань сохранял свое

обычное бесстрашие, а вот у Се Чаньюэ кончики ушей предательски покраснели, и он невольно придвинулся к мужу еще ближе.

Гу Чжэнь, глядя на то, как Чаньюэ во всём полагается на его двоюродного брата и ищет у него защиты, изменился в лице, и в его взгляде промелькнуло нечто неопределенное.

Гу Сьюань и Се Чаньюэ преподнесли чай всем старшим по кругу. Заодно Чаньюэ официально познакомился со всеми членами семьи Гу и обратился к каждому по чину.

— Дедушка, выпейте чаю...

— Отец, выпейте чаю!

— Маленький папа, выпейте чаю!

На фоне холодного и отстраненного облика Гу Сьюаня, такой улыбчивый и радушный Чаньюэ естественным образом расположил всех к себе. Му Ся был особенно доволен: он побаивался, что гер, выросший в богатом доме, окажется капризным и своенравным, и не сможет ужиться с родней. Но сегодня он увидел, что его невестка не только удивительно красив, но и чрезвычайно учтив и смышлен.

Все присутствующие были одной семьей, да к тому же людьми деревенскими, так что долгих церемоний не разводили. После подачи чая все уселись завтракать. Семья Гу жила в достатке по сравнению с другими жителями деревни Хуанъян, поэтому, за исключением суровых зимних месяцев, они ели трижды в день. Разумеется, деликатесов на столе не было. Однако с праздничного банкета осталось много блюд, так что завтрак выдался обильным. Помимо привычного таза со злаковой кашей и корзины с лепешками из муки грубого помола, на столе стояли три разогретых блюда: капуста со шкварками, жареная стручковая фасоль и прочее.

У Се Чаньюэ аппетит по утрам всегда был скромным, а учитывая вчерашний плотный ужин, он, выпив миску каши, уже не мог осилить свою порцию лепешки. Он невольно перевел взгляд на сидящего рядом Гу Сьюаня и с улыбкой произнес:

— Мужу еще сегодня заниматься наукой, съешь мою лепешку!

Гу Сьюань бросил на него короткий взгляд и сразу понял, какую хитрость тот задумал. Тем не менее, он послушно забрал лепешку: в крестьянском доме еда бесценна, и выбрасывать нельзя ни крошки. Себе он взял большую часть, а маленькую оставил Чаньюэ: хоть тот сейчас и сыт от каши, впереди еще целое утро, и без чего-то существенного он быстро проголодается.

Се Чаньюэ это вполне устроило; он разрывал лепешку на мелкие кусочки и по одному отправлял в рот. Остальные, глядя, как молодожены делят даже лепешку на двоих, снова тихонько рассмеялись: видать, и впрямь удачный брак вышел, редко увидишь такую привязанность.

После завтрака они проводили семью Гу Лаосаня обратно в город. Затем Гу Сьюань взял Чаньюэ за руку, и вместе с Му Ся и Гу Лаоэром они уселись под навесом восточного флигеля. Настало время только для их маленькой семьи.

Гу Сьюань открыл окно и при свете утреннего солнца встал у стола тренироваться в каллиграфии. Порой, устав, он поднимал голову и видел троих самых близких ему людей. Му Ся работал за ткацким станком, Гу Лаоэр по-прежнему плел из лозы, а Се Чаньюэ сидел рядом и болтал с ними.

Некоторое время назад они закончили высаживать рассаду риса на поля, так что сейчас особой работы не было, кроме как изредка проверять уровень воды или ловить вредителей. Каждая ветвь семьи была занята тем, что зарабатывала «личные» деньги. В прежние годы Гу Лаоэр и Гу Лаода уходили на заработки в поместья близ уезда Уцин. Но в последнее время, благодаря Гу Сьюаню, продажа различных плетеных поделок приносила куда больше денег, чем батрачество, да и работа была легче. Поэтому Гу Лаоэр остался дома, а Гу Лаода ушел один. Из-за этого Ли Сянтао, которая после смены жениха стала было весьма любезна, снова начала отпускать едкие замечания.

Се Чаньюэ, глядя на плетение, вспомнил маленького льва, которого Гу Сьюань передал ему через сваху. Хм, его муж и впрямь коварный тип. Но раз и муж, и отец умеют плести, он тоже захотел поучиться. Он посмотрел на Гу Лаоэра и Му Ся и с заискивающей ноткой сказал:

— Отец, папа, я тоже хочу научиться этому ремеслу, чтобы приносить деньги в дом.

Му Ся улыбнулся и, глядя на его нежные, гладкие руки, покачал головой, сделав несколько жестов. Чаньюэ не совсем понял, но Гу Лаоэр вовремя пояснил:

— Эта грубая работа сильно портит руки, тебе она не подходит. Папа спрашивает, что ты умеешь делать обычно — тем и занимайся.

Се Чаньюэ подпер ладонью подбородок и задумчиво нахмурился. В графском доме он, помимо обучения грамоте у наставника, учился ведению счетов и вышивке. Вышивку он не любил и владел ею посредственно. Куда больше ему нравилось возиться с растениями в саду, а потом делать из них мази и притирания. Но в деревне цветы вроде не сажают.

Он пошевелил пальцами и смущенно посмотрел на Му Ся:

— Я умею ухаживать за цветами и травами.

Му Ся и Гу Лаоэр растерянно переглянулись, не зная, что на это сказать. В этот момент из окна послышался низкий голос:

— Сведущ в травах и цветах?

Се Чаньюэ резко обернулся и энергично закивал мужу. В его руках любые растения росли на диво хорошо, даже лучше, чем у садовника, которого специально нанимали в поместье графа Суйнин. Возможно, сказывалось то, что по крови он был крестьянским сыном.

Гу Сьюань отложил кисть, вышел из комнаты и протянул Чаньюэ матерчатый мешочек.

— Это кое-какие семена, которые я недавно раздобыл. Один купец сказал, что они из-за моря, только сам не знал, что это. Если будет время, помоги мне вырастить их и посмотрим, что получится.

Се Чаньюэ принял мешочек, сразу открыл его и не смог сдержать возгласа:

— Ой, как красиво! Никогда не видел таких семян! Золотистые-золотистые, прямо как... как золотая крошка!

Гу Лаоэр и Му Ся, будучи крестьянами, питали естественную любовь к семенам. Услышав это, они тоже подошли взглянуть и были приятно удивлены.

— Отчего же они такие ладные? Если зацветут, то каков же будет цветок?

— И правда, где такое видано?

Се Чаньюэ крепко сжал мешочек в руках и, вскинув маленький кулачок, торжественно пообещал Гу Сьюаню:

— Муж, будь спокоен! Я приложу все силы, чтобы эти цветы расцвели и такие чудесные семена не пропали даром.

Му Ся и Гу Лаоэр тоже согласно закивали.

— ... — Гу Сьюань.

Он молча смотрел на своих троих близких и думал: «Цветов особо ждать не стоит, они похуже сорняков будут, а вот плоды вас удивят».

Хотя воспоминания о двух предыдущих мирах были смутными, награды, полученные за выполнение заданий, хранились в системе. И их можно было переносить в другие миры. В первом мире он вытянул карту использования пространства (но так её и не применил), а во втором — партию семян зерновых. Момент настал.

Сейчас было лето, овощей на огороде хватало с избытком, порой они даже гнили, так что в клочке земли недостатка не было. Посоветовавшись, старая госпожа Гу разрешила выделить небольшой участок в огороде за домом, чтобы Се Чаньюэ мог посадить там свои «цветы».

Поскольку он видел такие семена впервые и не знал их особенностей, Чаньюэ разделил их на несколько частей. Одну часть посадил сразу в землю, вторую предварительно замачивал то в теплой, то в горячей воде, а третью сохранил в древесной золе — на случай, если сейчас не сезон, чтобы попробовать осенью или зимой.

Гу Сьюань, наблюдая за суетой маленького супруга, отметил про себя: талант к агрономии у него определенно есть.

После посадки Се Чаньюэ так пекся о семенах, что готов был бегать проверять их по восемьсот раз на дню. Видя эти метания, Гу Сьюань позвал его в дом. Тот послушно подошел.

— Умешь растирать тушь? — спросил Гу Сьюань.

Се Чаньюэ кивнул с лучезарной улыбкой:

— Конечно.

С этими словами он слегка засучил рукава, встал у края стола и принялся аккуратно растирать брусок туши. Гу Сьюань кивнул, довольный его послушанием, и снова принялся за каллиграфию.

Писал он не что-то заумное, а тексты, необходимые для заучивания к экзаменам. Познания прежнего владельца тела были посредственными: многие книги он хоть и читал, но лишь поверхностно, не говоря уже о глубоком понимании — он даже ключевые отрывки наизусть помнил плохо. Гу Сьюань решил использовать каникулы, чтобы переписать все учебники от начала до конца: это помогало и запоминать, и оттачивать почерк.

Пока Чаньюэ растирал тушь, его запястье немного затекло, и он краем глаза стал наблюдать

за тем, как пишет муж. Он был обучен грамоте и примерно понимал, что это отрывки из «Ши цзин» («Канона песен»). Из «Пяти канонов» он успел изучить только «Ши цзин», прежде чем обучение прекратилось, об остальных четырех он слышал лишь отдельные фразы — это была прерогатива ученых.

— Ох!

Но по-настоящему его поразило то, как писал муж. Почерк был выдающимся. Вероятно, для экзаменов использовался самый строгий стиль «гуаньгэти» (канцелярский шрифт) — на первый взгляд он казался правильным и изящным, но между ровными горизонталями и вертикалями, в каждом взмахе и нажиме проглядывал личный стиль, который буквально рвался наружу. Удары кисти были подобны железным крюкам и серебряным росчеркам, скрытая мощь была такова, что даже самая дешевая бумага из коры тутового дерева в его руках казалась драгоценной.

Се Чаньюэ не удержался от очередного восхищенного вздоха:

— Какая прекрасная каллиграфия!

В графском поместье он видел свитки «бывшего» отца и старшего брата Шэнь Чанье, но ни один из них не мог сравниться с его нынешним мужем. Даже прославленный Сяо Цзинчуань был с ним лишь на одном уровне. При этом было заметно, что стиль мужа еще только формируется — он был «зеленым», а значит, в будущем его ждал невероятный рост. В этом плане он уже сейчас превосходил Сяо Цзинчуаня.

Гу Сьюань слегка приподнял уголки губ и протянул ему кисть:

— Напиши и ты пару иероглифов.

Посмотрев на почерк мужа, Се Чаньюэ немного оробел. Однако с тех пор как он оказался в деревне Хуанъян, он действительно долго не брал кисть в руки. Протянув тонкую белую ладонь, он принял кисть, и давно забытое чувство вновь наполнило его сердце.

Раньше в поместье он учился вместе с другими герами и девушками. Он осваивал уставное письмо Оуяна Сюня и изящный «стиль заколок» — тонкий, маленький и изысканный. Но сейчас, несколько мгновений взглядываясь в каллиграфию мужа, он сделал первый мазок. Хотя это всё еще был стиль Оу, в нем легко читалось намеренное подражание манере Гу Сьюаня: за утонченностью и статью проглядывала живая, гордая кость.

Гу Сьюань некоторое время разглядывал написанное, а затем серьезно кивнул:

— Неплохо.

Се Чаньюэ и сам был доволен. Надо же — рука не только не огрубела, но, кажется, он даже сделал шаг вперед. Однако...

— «Ветер и дождь холодны... Коль скоро увидел я мужа, как же мне не радоваться?» — низкий магнетический голос Гу Сьюаня тихо прочел над самым его ухом. — Похоже, ты отлично знаешь «Ши цзин», да и настроение у тебя хорошее.

Кончики ушей Се Чаньюэ вмиг вспыхнули пунцовым. Впрочем, эти стихи действительно отражали его нынешние чувства. Его жизнь перевернулась с ног на голову, в сердце царил тишина и печаль, но встреча с мужем и его искренняя забота заставили все тревоги и

меланхолию развеяться, подобно дыму. Как же ему было не радоваться?

Во дворе Ли Сянтао как раз закончила обмолачивать сою. Она возвращалась с огромной охапкой бобовых стеблей, что-то ворча себе под нос. Вообще-то обмолот хоть и бил по плечам, но для неё это была привычная работа за многие годы, так что ничего особенного. Но она только что видела, как Гу Лаоэр помогал Му Ся, и на душе стало скверно. Её собственный мужчина надрывался в поместье, а Гу Лаоэр, просто сплетая эти свои «гнилые прутья», зарабатывал больше, да еще и помогал своему супругу по хозяйству. Хм...

Гу Чжэнь как раз вышел из комнаты и хотел было помочь матери подхватить ношу. Ли Сянтао поспешно увернулась:

— Чжэнь-эр, не нужно. Ты человек ученый, негоже тебе такой черной работой заниматься!

С этими словами она пробежала пару шагов и сбросила стебли в кучу в углу. Подняв взгляд, она увидела открытое окно восточного флигеля. У письменного стола Гу Ян и Се Чаньюэ стояли совсем рядом, склонив головы и о чем-то перешептываясь, при этом лицо Чаньюэ было совершенно красным.

Вспомнив, что идея с прибыльным плетением принадлежала Гу Яну, Ли Сянтао не сдержалась и холодно хмыкнула:

— И так-то умом не ровня моему Чжэнь-эру, так еще и прилежания ни на грош. Прохлаждается тут с супругом, забавляется... разве так учатся? Еще говорит, что весной хочет на экзамены идти. Ха-ха... Если он сдаст — значит, черти в лесу передохли.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281584>